

БИОГРАФИЯ

Юрий ВАСИЛЬЕВ

НА РАДОСТЬ МАТВЕЕВНЕ

Один детский благотворительный фонд, работу которого Владимир Спиваков считает чуть ли не главным своим достижением. Одна скрипка, которая принесла ему славу виртуоза. Два оркестра: первому, «Виртуозам Москвы» — четверть века; второй — совсем «свежий», Национальный филармонический за год с небольшим добился репутации одного из лучших оркестров страны. И — шестьдесят лет жизни. Причем сейчас, несмотря на успехи — не самый лучший ее период: юбилеи Спиваков, как он утверждает, не любит.

— Недавно показывали программу: вы приезжаете в Петербург, гуляете по местам детства. Особой радости на лице не видно. Есть обида на собственное детство?

— Обиды нет. Просто в детстве комната в коммуналке на Моховой, где мы прожили лет десять, казалась мне огромной, коридор — гигантским, а окна — очень светлыми. Наша соседка Матвеевна следила за тем, чтобы я занимался в отсутствие родителей. А я ставил пластинку Давида Ойстраха и сидел с книжкой. Так было часто, практически всегда. Когда приходила мама, Матвеевна докладывала им, что я сегодня играл еще лучше, чем вчера... Сейчас же, когда я приехал на Моховую, мне показалось, что там живет Раскольников — который точит свой топор, чтобы пройти тринадцать ступеней и 730 шагов, чтобы совершить задуманное.

Был я и в школе своей, очень тронула встреча с одноклассниками. Все сердечно, тепло. Но обычно я не люблю ни юбилеи, ни организованных встреч — они напоминают мне о пионерах с флажками, которых выгнали на улицу встречать какого-нибудь афганского короля.

— Когда вы впервые почувствовали себя среди тех, кого встречают так же, но без принуждения?

— Наверное, в Ленинкане, сразу же после Спитакского землетрясения. Разрушенный город, наполовину оголенные дома, — но концерт! Сильва Капутикян читала свои стихи, Алла Демидова — «Реквием» Ахматовой, а еще — Елена Образцова, я... Тогда, после концерта, мне подарили коврик со смешным клоуном — его сделали дети незадолго до своей гибели. А совсем недавно, когда я приехал в тот же город, мне подарили почти такой же коврик. Только сделали его дети, которые родились в год землетрясения.

— Награды к юбилеям начались в то же время?

— Во-первых, не только к юбилеям; во-вторых, гораздо раньше. Первый орден — «Знак Почета» был за участие в культурной программе Олимпиады-80 с «Виртуозами Москвы», тогда еще неофициальным оркестром. Создали его в 79-м, а статус получили только через несколько лет.

— Почему?

— Негласный приказ был: ничего нового не создавать.

Лишь один человек в Минкультуры был за создание оркестра — Владимир Иванович Попов, замминистра. Перед открытием Игр в Музее Пушкина был концерт, на котором присутствовал лорд Килланен, глава МОК. После выступления он первым встал и начал аплодировать оркестру. Естественно, за ним поднялись все. На следующий день в «Правде» появилась статья «Есть такой оркестр» — еще до оформления всех документов и принадлежности к Минкультуры СССР. После этого прятать оркестр, понятно, стало трудно.

— А второй орден?

— Его мне Борис Николаевич выписал, в самом начале первой чеченской войны. И поскользнулся орден назывался «Дружбы народов», я не считал себя вправе получать его — хотя кто только мне не звонил из Кремля, с тем чтобы я все-таки пришел. Но — отказался. Через пару недель в дверь позвонили. Никогда не говорю: «Кто там?»; открываю — вижу, двое в камуфляже. Спросил: «Ребята, вы за мной пришли?» Они: «Нет, мы принесли орден Дружбы народов, который вам выписали». Сати достала коньяк, мы его вместе распили — обмыли награду.

Что меня потрясло: когда Борис Николаевич выписал мне третий орден — «За заслуги перед Отечеством» третьей степени, — он спрашивал: «А на сей раз Спиваков придет?» Прошло лет пять, а Ельцин помнил об этом...

— Ордена помогают?

— Помогает то, что меня все узнают. Вдвойне хорошо, что это помогает прежде всего моему благотворительному фонду. Концерты проходят, записи — музыкальные консервы. А то, что делается фондом для сотен детей, останется и после меня. Как и инструменты, подаренные мною школам всех стран бывшего Союза.

— Как-то вы говорили, что помните все свои концерты. Какой был самым лучшим?

— Всегда кажется, что самый лучший концерт впереди. А так... пожалуй, зальцбургский, ко дню рождения Моцарта. Это было в начале 70-х, Леонард Бернштайн буквально вытащил меня из положения невыездного музыканта. Нужно, наверное, было лебедям отрезать крылья, чтобы сидели на Чистых прудах и не высывались... Но Бернштайн, судя по всему, пробил мой выезд через Бруно Крайского, тогдашнего канцлера Австрии. После концерта Крайский пришел ко мне за кулисы и сказал: «Я скоро еду в СССР. С каким подарком лучше ехать в вашу страну?» Я ответил: «Привезите в Московскую консерваторию роаяль «Безендорфер». Вскоре роаяль уже стоял в 45-м классе консерватории. И по сей день стоит.

— Вы возглавляли и возглавляете жюри многих международных конкурсов, в том числе — имени Чайковского. Зачем сегодня нужны состязания музыкантов?

— Кроме очевидного — на конкурсах у молодых есть шанс проявить себя, — есть и другой ответ: чтобы взбивать интерес публики к музыке.

— Но в основном интересны интриги вокруг состязаний.

— Они тоже есть, и я их не избежал. В Париже, на прошлом конкурсе Лонг и Тибо, девушка из Китая, которая по всем показателям должна была получить первую премию, получила четвертую. А первых два приза жюри отдало представителям Парижской консерватории. Я предложил переголосовать. Представитель парижской мэрии был взбешен: «Хорошо, давайте. Но мало что может измениться». Переголосовали. Девушка из Китая с четвертого места продвинулась на первое. После этого я сказал: «А теперь мы переголосуем второе место». И парижский лауреат второй премии получил законную третью.

— Вошли во вкус?

— Это некусно, уверяю вас. Просто какие-то вещи, идущие вразрез со справедливостью, допускать нельзя.

— Вас часто предавали?

— Было, конечно. Достаточно вспомнить одного из моих друзей — музыкантов «Виртуозов Москвы», который не вернулся с французских гастролей. Сбежал из СССР. Тогда в Минкультуры было устроено партсобрание. Я членом партии никогда не был, но меня, конечно, тоже позвали. Всем партийным музыкантам моментально вкатили выговоры. После этого пожелали заслушать, так сказать, начальника транспортного цеха. Я почувствовал, что выговорами не ограничится: вопрос о расформировании оркестра повис в воздухе. И сказал тогдашнему министру Демичеву: «Петр Нилович, все понимаю, со всем согласен. Но только один вопрос: не предавал ли вас кто-нибудь в жизни?» К чести министра, он ответил: «Кто-нибудь? У меня от этого вся голова седая». — «Вот видите... И при этом вы продолжаете доверять людям, делать свое дело...» Больше нас не трогали.

— Вы и сейчас не можете простить?

— Я всегда стараюсь найти оправдания, но его поступку — не нахожу, до сих пор. Он предал не только страну, но и дружбу. Если бы он подошел ко мне и сказал: «Володя, я хочу уехать», то можно было бы найти решение, не подставляющее никого. А вообще один из профессоров Лос-Анджелесской консерватории написал: «Наверное, Спаситель был счастливым человеком: из двенадцати учеников предал его только один и только один отказался от него». Этим счастьем простые люди, наверное, похвастать не могут. Но я сам очень счастлив, что могу справить день рождения в Москве — в кругу друзей, с двумя замечательными оркестрами. И на родном языке.

Владимир Спиваков: «Юбилей напоминают мне о пионерах с флажками»